

Аншлаг*
(История одного покушения)
Грустная комедия

Действующие лица:

Юрий Петрович — худрук столичного театра, 52 года

Константин Георгиевич — негодник, 49 лет

Актрисы театра:

Лариса — 29 лет

Анастасия — 28 лет

Надежда — 31 год

Действие происходит в наши дни.

Все живут играя, но только актеры играя живут.

Автор

Картина первая

Кабинет художественного руководителя столичного театра. Открывается дверь, входит молодая женщина, за ней хозяйка кабинета.

Юрий Петрович: Лариса, у меня три минуты. Через час нужно быть в мэрии. Если ты опять по идиотскому вопросу, то ничего не изменилось.

Лариса: Нет, я по нормальному. Поменяйте мне числа на следующий месяц.

Юрий Петрович: Зачем?

Лариса: Хочу к маме слетать.

Юрий Петрович: Так лети.

Лариса: У мамы юбилей 18-го, а у меня "Свадьба" 19-го.

* Перевод с немецкого:

1. Удар.
2. Покушение.
3. Смета, оценка, расчет.
4. Игра в палочку-выручалочку.
5. Объявление, что все билеты на спектакль проданы.

Юрий Петрович: Снова замуж выходишь?

Лариса: Да... За Антона Павловича.

Юрий Петрович: Бедный Чехов... Ты только сегодня узнала, когда у мамы день рождения? И с каких пор художественный руководитель занимается числами?

Лариса: Пусть Настя вместо меня сыграет. Она же репетировала. А я, если надо, ее "На дне" подстрахую.

Юрий Петрович: В скафандре или с аквалангом?

Лариса: Не смешно. Ну хоть в чем-то вы мне можете пойти навстречу? Сколько я вас просила назначить меня на роль Нины? Кстати, Лариса по-гречески — чайка. А в результате играет Надька.

Юрий Петрович: Не Надька, а Надежда Константиновна.

Лариса: Вы и роль Настасьи Филипповны ей отдадите. Хотя мне обещали.

Юрий Петрович: Обещать — не назначить. Савельева, почему ты все время интригуешь? Играешь главные роли в трех спектаклях. А добьемся финансирования — построим малую сцену, мы с тобой замечательный спектакль по Чехову сделаем.

Лариса: Я знаю, я вредная...

Юрий Петрович: Ты не вредная, ты полезная. Но противная при этом.

Лариса: А какой спектакль по Чехову?

Юрий Петрович: "Душечку". У тебя замечательно получится.

Лариса: А если б ваша Надежда Константиновна была более поклониста, деньги бы на малую сцену давно появились.

Юрий Петрович: Ты сейчас о чем?

Лариса: А то вы не знаете, как за ней председатель попечительского совета ухаживал?

Юрий Петрович: Ты в курсе, что любопытной Варваре нос оторвали?

Лариса: На базаре... Ухаживал, ухаживал, в Анталю приглашал, а она: "Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна", — вместе с малой сценой... для родного театра... Введите меня в "Чайку", я бы в очередь с ней играла. Сразу станет видно, где талант, а где амбиции.

Юрий Петрович: Нашла конвоира. "Введите, выведите..." Талант это интуиция, а для тебя... нахальство — второе счастье.

Раздается звонок по внутреннему телефону. Юрий Петрович нажимает кнопку громкой связи.

Женский голос: Юрий Петрович, вы Борису на шестнадцать встречу назначали?

Юрий Петрович: Какому Борису?

Женский голос: Его зовут Константин Георгиевич, как маршала Жукова.

Юрий Петрович: Жукова звали Георгий Константинович, а так звали Паустовского.

Женский голос: Извините. Но через две минуты он будет у нас.

Юрий Петрович: Мне же в мэрию. Скажите, что меня нет!

Женский голос: Это же Борисов.

Юрий Петрович: Ну и что?

Женский голос: Тот самый! Мне начальник его охраны звонил.

Пауза.

Юрий Петрович: Твою бабушку! Вспомнил... Конечно, я его жду.. *(Отключает громкую связь.)* Ладно, Лариса, разберемся с твоей мамой, иди на репетицию. Осторожно на лестнице, охрана вооружена.

Лариса быстро уходит. Юрий Петрович оглядывает кабинет, суетясь, достает и ставит на стол пепельницу, несколько раз репетирует широкую улыбку и рукопожатие. Ставит и убирает со стола бутылку коньяка.

Звонок по внутреннему телефону.

Юрий Петрович: Приглашайте, я жду.

Входит элегантно одетый мужчина среднего возраста. Юрий Петрович встает, идет к нему навстречу. Мужчина внимательно смотрит в лицо Юрию Петровичу и, чуть помедлив, протягивает руку.

Гость: Здравствуйте. Константин Георгиевич.

Юрий Петрович: Здравствуйте. Юрий Петрович. Очень приятно. Присаживайтесь, где вам удобно.

Гость садится в кресло, Юрий Петрович — за свой стол.

Юрий Петрович: Знаете, я когда с вами поговорил по телефону, то, честно говоря, не понял, что это вы. То есть вы сказали, что зайдете, нам есть о чем поговорить. А я и не подумал, что вы — именно тот Борисов.

Константин Георгиевич: А если бы поняли — то не приняли?

Юрий Петрович: Да нет, что вы! Я очень рад видеть вас в нашем театре. Может, чаю или кофе хотите?

Константин Георгиевич: Нет, спасибо.

В кабинете повисает пауза. Каждый собеседник ждет, что разговор продолжит другой.

Юрий Петрович: Вообще-то, мы должны были на гастроли в Питер уехать. Но прокатчик оказался слабенкий. Билеты плохо продавались... В последний момент отменили. Весной поедem... Может, все-таки чаю?

Константин Георгиевич: Нет-нет, спасибо.

*Константин Георгиевич осматривает кабинет,
рассматривает фотографии, висящие на стене.*

Юрий Петрович: Труппа у нас хорошая. Неплохая труппа. Проблема, что многие снимаются. Понятно — там больше платят. Хотя сейчас, сами знаете, снимать стали меньше... Вот недавно "Чайку" выпустили... Пресса хорошая. Ну, кто-то поругал, кто-то похвалил, как обычно... Планировали малую сцену в этом году открыть, но все упирается в деньги... Попечительский совет есть, но опять же, у всех кризис, поэтому о реконструкции речь не идет... А может, по рюмочке? На улице-то холодно.

Константин Георгиевич: Нет, спасибо. Я не пью.

Повисает пауза.

Юрий Петрович: Я практически тоже. Так вот... если гости. С драматургией сейчас, сами знаете, — новая драма в моде, но я к ней как-то острожно... Зрителей тоже не поймешь, чего они хотят. Впрочем, так всегда было... Еще корпоративные вечера устраиваем. Да вот... совсем забыл: у нас детские спектакли хорошие. "Морозко", "Щелкунчик". Мы, кстати, и детские корпоративы организуем. Если у вас внуки... или, может, дети, то можно и такое. Дети сначала спектакль смотрят, а потом вместе с актерами торт едят, в разные игры играют, шарики надувают. Весело получается. Недавно внук мэра у нас день рождения отмечал.

Константин Георгиевич: Нет, спасибо. Дети выросли, внуков нет.

Юрий Петрович: А я, кажется, понимаю. Вы по поводу здания? Могу сейчас организовать просмотр. Но вы знаете: с точки зрения недвижимости мы такое же государственное учреждение, как, например... прокуратура.

Константин Георгиевич: Не совсем. Вас посещать намного приятнее.

Юрий Петрович: Спасибо. Хотя статистика утверждает, что к нам ходит всего два процента населения города плюс приезжие. Театр заставляет думать. А думая, редко кто остается собой доволен.

Константин Георгиевич: А те, кто ходят, — довольны собой?

Юрий Петрович: Всегда собой довольны — дураки, а к нам ходят умные. Просто думать они уже привыкли. А может, воды минеральной? Есть с газом, есть — без.

Константин Георгиевич: Нет. Спасибо. Я недавно проезжал мимо вашего театра. Был сильный дождь, колесо пробило. Охрана хотела пересадить

меня в джип, а я в джип не захотел. Время — без пяти семь. Остановились как раз напротив кассы. Я вспомнил, что в театре уже лет двадцать не был. Ну, на разных мероприятиях, как вы говорите, корпоративах, а на спектаклях — ни разу. Решил — пока они колесо меняют, зайду, посмотрю, что идет. "Чайка". Купил билет. На охране сэкономил. Сказал, что в театре я в полной безопасности. В антракте не ушел. Хороший спектакль у вас получился.

Юрий Петрович: Спасибо. Я "Чайку" давно хотел поставить.

Константин Георгиевич: И актрису на роль убийцы удачно подобрали.

Юрий Петрович: Какой убийцы? Может, вы перепутали? Это не у нас было. Тут по соседству один театр акунинскую "Чайку" поставил. Там все персонажи по очереди Треплева убивают.

Константин Георгиевич: Ну что вы, я редко ошибаюсь. Это ваш спектакль.

Юрий Петрович: Какая же она убийца? Она жертва.

Константин Георгиевич: Но последняя, кто видел его живым. А как вы сами думаете — почему он застрелился?

Юрий Петрович: Ну, на это много причин. Каждый сам делает вывод.

Константин Георгиевич: Зачем она сказала, что любит другого? Могла не говорить. Этим и довела до смерти. Она не жертва...

Юрий Петрович: Странное убийство, без мотивации. Не думаю...

Константин Георгиевич: А почему Чехов назвал эту историю именем хищной птицы? Назвал бы "Голубкой". Или "Уткой". Дичи на озерах стрелять — не перестрелять.

Юрий Петрович: Дикой уткой назвать не мог. Ибсен так назвал пьесу за двенадцать лет до "Чайки". И потом утку можно пожарить и съесть, а убийство чайки бессмысленно.

Константин Георгиевич: То есть без мотивации... Герой убивает чайку, а Чайка убивает героя. Ее знаете, как ловят? В петлю. И если неосторожно к ней приблизиться, она выключает охотнику оба глаза за секунду.

Юрий Петрович: Любопытно, не знал.

Константин Георгиевич: А недвижимость меня не интересует.

Пауза.

Юрий Петрович: Мне лестно, что вы ходите в наш театр. Почему только не предупредили? Билеты покупаете... Я бы приглашительные организовал...

Константин Георгиевич: Спасибо... Вы, конечно, не совсем понимаете цель моего визита. Скажите, тут говорить можно? Не слушают? (*Осматривает потолок помещения.*) В пожарной сигнализации камер нет?

Юрий Петрович: Не проверял, но думаю — нет. Что у нас подглядывать? Придет один актер, нажалуется на другого. Или актриса числа просит.

Константин Георгиевич: Какие числа?

Юрий Петрович: Мы даты спектаклей числами называем. Чего нас слушать? Финансовые потоки театры огибают, а говорить сейчас все дозволено. Цензуры нет. Ставь что хочешь, ходи в чем хочешь... Главное чтоб деньги в кассе были. Не можем позволить идеологию, не подкрепленную проданными билетами. У меня водитель — рыбак. Часто повторяет "Нанизывайте на крючок, что нравится рыбе, а не вам". Вот и нанизываем. Мейнстрим ловим, настроение. Ищем, как Костя Треплев, новые формы. Не всегда находим. Но готовы помочь, чем можем. Так что слушаю вас внимательно.

Константин Георгиевич (*достает из кармана связку ключей, перебирает их в руках*): Сейчас попытаюсь сформулировать цель моего визита... Возможно, произведу на вас странное впечатление. Понимаете, у меня проблема наоборот, она не в том, что чего-то нет, а в том, что все есть. Дома, машины, яхта. Недавно "Гольфстрим" купил.

Юрий Петрович: Течение?!

Константин Георгиевич: Нет, так самолет называется. Пять тысяч миль без посадки. У меня даже остров есть. В Карибском море. Небольшой, но с пресной водой. Пляжи замечательные. Причал построили. Вертолетную площадку. Сейчас взлетную строят, чтобы самолет мог приземлиться. Ну, остальное в интернете прочитаете. А вот главного... Главного нет. То есть — жена и дети есть. Правда, взрослые... Проблема, наверное, в том, что меня никто не любит. Жена давно, дети недавно. Любовница — убежденная материалистка, про остальных я и не говорю. Дружья кончились. Остались партнеры по интересам. Или интересанты по партнерству. Это, к сожалению, уже долго. Я, наверное, не один в таком состоянии.

Юрий Петрович: "Винный погреб есть, а штопора нет". Бывает...

Константин Георгиевич: Просыпаешься, умываешься и не знаешь, что делать с жизнью. Ничего не хочется, даже хотеть не хочется. Куда идут в таком случае? В церковь. Или сразу на кладбище. То есть к Богу по прямому варианту, без посредников. А вы, если не секрет, в загробную жизнь верите?

Юрий Петрович: Честно? В Бога верю, а в загробную жизнь... не очень. Если ошибусь, будет приятный сюрприз.

Константин Георгиевич: Но это если в рай попадете, а если...

Юрий Петрович (*смеется*): Ад мне не грозит, в худшем случае — чистилище. Да не будет сюрпризов.

Константин Георгиевич: Так вы и ставите.

Юрий Петрович: Может, поэтому вам и нравится.

Константин Георгиевич: В общем, с церковью у меня не сложилось, но это отдельная тема... *(Пауза.)* И тут колесо пробило. Зашел в театр и почувствовал что-то знакомое, близкое. Вспомнил, как в детстве в него в первый раз попал, с бабушкой. В большом городе в большой театр. "Сказка о царе Салтане". Полет шмеля... Мир на сцене сказочный. Другая жизнь, зазеркалье. Мы жили в небольшом городе, там таких театров не было. Но с тех пор то, что происходило на сцене, меня завораживало. Я даже влюбился в первый раз в Снегурочку на каком-то утреннике. Это я сейчас понимаю, что ей лет сорок было. *(Пауза.)* Как-то нас всем классом на "Ромео и Джульетту" повели... Красивая она была. Мне казалось, будь я на сцене рядом с Джульеттой, был бы выше, сильнее, смелее. Потом без класса на этот спектакль раз десять ходил. Мечтал о ней. Не представлял, что она, простите, в туалет ходит. Понимаю, что произвожу на вас впечатление ненормального... Нормальные в метро ездят, а я на "Гольфстриме" летаю.

Юрий Петрович: Не все в метро. Я, например, на машине езжу.

Константин Георгиевич: Да я не про это. Не хотел вас или кого-то обидеть.

Юрий Петрович: А мы не обижаемся. Мы вас внимательно слушаем.

Константин Георгиевич: Так вот, когда я у вас "Чайку" смотрел, в голову пришла мысль, что мне нужно в театр. Вспомнил, как в детстве хотелось на сцену, чтобы стать другим.

Юрий Петрович: Я, кажется, понял... Вы хотите играть. Это детская мечта. Хотели быть актером, но — не сложилось, правильно?

Константин Георгиевич: Нет.

Юрий Петрович: Что-то написали? Есть интересный материал?

Константин Георгиевич: Материала полно — шить некому.

Юрий Петрович: Вы хотите поставить?

Константин Георгиевич: Если я играть не умею, как же ставить?! Понимаете, я бы хотел оказаться в зазеркалье, куда других не пускают. И еще. Я хочу, чтобы меня любили. У меня есть одна история. Он и она. Он постарше, она помоложе. Я потом расскажу. Есть наброски. Понимаю, у вас репертуар, вы государственное учреждение, почти как прокуратура. Но я оплачу постановку и все, что нужно. Нужен режиссер и одна актриса.

Юрий Петрович: Значит, все-таки вы хотите играть.

Константин Георгиевич: Я не хочу играть, я хочу жить.

Юрий Петрович: В театре не играть нельзя. Вы закон соленого огурца знаете?

Константин Георгиевич: Не помню.

Юрий Петрович: Простой закон. Свежий огурец, помещенный в раствор соленой воды, через некоторое время становится соленым. Это я вам на всякий случай...

Константин Георгиевич: Спасибо за информацию.

Юрий Петрович: Что касается вашего предложения... если все оплатите, это может быть даже интересно, как такая... новая форма, и... раз в месяц можно камерный спектакль... может быть.

Константин Георгиевич (перебивает): Нет, вы не поняли. Я хочу каждый день.

Юрий Петрович: В Средние века актеров хоронили за оградой кладбища не только потому, что они исказили лик человека, созданного по подобию божьему, но и из-за гордыни, первого смертного греха.

Константин Георгиевич: При чем здесь гордыня? Мне необходимо каждый день, иначе меня это не спасет.

Юрий Петрович: Константин Георгиевич, вы, наверное, не знаете, но есть такая пьеса — "Месье Амилькар, или Человек, который платит"...

Константин Георгиевич (перебивает): Представьте — знаю. Перед встречей с вами я кое-что прочел... Там главный герой, если не ошибаюсь, где-то раздобыл денег, и через агентство нанял жену, дочку, друга, папу, маму, еще кого-то, поселил всех в загородном особняке. Они все делают за деньги, а потом расстраиваются, когда его полиция забирает за растрату. И понимают, что они его полюбили. Нет, я не об этом. Я же не в эскорт-сервис пришел, а в театр... Но я хочу — каждый день.

Юрий Петрович: Да, но у нас же репертуарный театр.

Константин Георгиевич: Понимаю. Но ведь вы хотели построить малую сцену. Давайте сделаем. На сколько зрителей планируете?

Юрий Петрович: Двести мест.

Константин Георгиевич: Впрочем, неважно, сколько людей на меня будут смотреть. Мне главное, где я окажусь.

Юрий Петрович: Но малая сцена — это тысяч триста. Условных единиц.

Константин Георгиевич: Не страшно. А проект, согласование на реконструкцию у вас есть?

Юрий Петрович: Да, все есть... кроме денег.

Константин Георгиевич: Замечательно.

Юрий Петрович: Но все-таки — каждый день...

Константин Георгиевич: А как на Западе? Там спектакль играют ме-

сяц, два, три, а то и год подряд. Один мюзикл в Лондоне двадцать пять лет идет. Каждый день. И потом, я же сказал — вы не будете зависеть от сборов, будут зрители или нет.

Юрий Петрович: Ну, тогда хорошо. Мы же ищем новые формы. Вот одна из новых форм. Олигарх играет... простите — живет на сцене. Каждый день.

Константин Георгиевич: Знаете, я не люблю слово "олигарх". Оно мне напоминает "олигофрен". Им обоим чего-то не хватает: одному — ума, другому — денег. Кстати, деньги дают намного меньше возможностей, чем кажется, когда их нет... Называйте меня по-другому. Негоциантом, например.

Юрий Петрович: Негоциант — это тот, кто договаривается?

Константин Георгиевич: Да, сегодня — с вами договарюсь.

Юрий Петрович: Можно посмотреть пьесу? Хотя бы расскажите сюжет или фабулу.

Константин Георгиевич: А чем они отличаются?

Юрий Петрович (*усмехаясь*): Мотивацией, точнее, ее отсутствием.

Константин Георгиевич: Интересно. Если договоримся о главном, — расскажу. Там не будет жесткой линии. Каждый день можно по-разному играть. Героиня любит героя, а ситуации меняются.

Юрий Петрович: Замечательно. Вы меня заинтриговали. И как долго вы хотите, чтобы это представление шло?

Константин Георгиевич: Для начала — год.

Юрий Петрович: Год?! Каждый день?! А как же ваш остров? И потом, актрисе, кто бы она ни была, придется отказаться от других ролей. И еще от многого...

Константин Георгиевич: Конечно, придется. Мы подпишем с ней контракт, она не сможет уезжать из города, заниматься чем-то еще, там много пунктов.

Юрий Петрович: А в материальном плане?

Константин Георгиевич: Сколько у вас актриса получает в среднем?

Юрий Петрович: Ну, где-то эквивалент тысячи долларов в месяц...

Константин Георгиевич: Тогда мы предложим ей тысячу в день. Пятьдесят процентов авансом. Пятьдесят — пропорционально за каждый спектакль. На всякий случай застрахуем ее жизнь и здоровье. На такую же сумму. Но нам нужен третий.

Юрий Петрович: Если такие условия предлагаются актрисе, то, думаю, третий найдется. Вам же моя "Чайка" понравилась? Надеюсь, что и режиссера не обидите.

Константин Георгиевич: Не обижу.

Юрий Петрович: Спасибо. А я с утра думал, что день какой-то — не заладился. Все с утра не так. А вы пришли — и понимаю, что наоборот, все очень даже так.

Сигнал громкой связи.

Женский голос: Юрий Петрович, вы опоздаете в мэрию.

Юрий Петрович: Мария Ивановна, я в мэрию не поеду. Позвоните, придумайте что угодно. Скажите, что у меня приступ.

Женский голос (взволнованно): Какой приступ, Юрий Петрович?

Юрий Петрович: Радости! Но вы им это не говорите. Будем говорить правду, только правду, но не всю. *(Отключает связь.)* Константин Георгиевич, зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? У меня сейчас репетиция идет. Хотите — пригласим несколько актрис, проведем кастинг?

Константин Георгиевич: Давайте. Как говорят таксисты — раньше сядешь, раньше выйдешь.

Юрий Петрович (по телефону): Мария Ивановна, пригласите Ларису, Надежду и Анастасию. *(Отключает телефон, обращается к Константину Георгиевичу.)* Ну, мы им сейчас о предлагаемых обстоятельствах контракта говорить не будем.

Константин Георгиевич: Конечно, зачем нарушать чистоту эксперимента. Скажите, сколько, по-вашему, займет реконструкция?

Юрий Петрович: При стопроцентном финансировании месяца три-четыре. Сделаем все быстро, качественно и дешево. Смета у меня практически готова.

Константин Георгиевич: Не получится.

Юрий Петрович: Почему?

Константин Георгиевич: А вы закон магического треугольника знаете?

Юрий Петрович: Не помню.

Константин Георгиевич: У него три стороны — "Качественно", "Быстро" и "Дешево". Как только выбираете любые две, третья исчезает. Если быстро и дешево, — то некачественно. А если качественно и быстро, — то недешево. И так далее.

Юрий Петрович: Интересное наблюдение, с постановками происходит то же самое.

Раздается стук в дверь. Входят три молодых женщины.

Юрий Петрович: Три грации. Красота, изящество и радость. Присаживайтесь, богини.

Женщины рассказываются.

Юрий Петрович: Познакомьтесь — Константин Георгиевич. Анастасия, Лариса, Надежда. Всем очень приятно. Не знаю, знаком ли вам Константин Георгиевич, но в данном случае он — потенциальный продюсер будущего спектакля.

Лариса: Антреприза?

Юрий Петрович: Нет, это будет наш репертуарный спектакль. Но об этом — после. Мы бы хотели сейчас определиться с исполнительницей, поэтому я попрошу вас вспомнить лучшие годы вашей жизни и сыграть этюд. Вы влюбились в человека, которого увидели первый раз в жизни.

Анастасия: Прямо здесь?

Юрий Петрович: Нет, будем строить декорацию. Считайте, что вы на вступительном экзамене.

Лариса: А во что вступаем?

Юрий Петрович: В светлое будущее. Девочки, соберитесь. У вас не будет второго раза произвести первое впечатление... Анастасия, вы первая. Константин Георгиевич, нет, не надо вставать. Вы сидите в кресле. Допустим, это скамейка в парке.

Анастасия проходит по кабинету, проходит мимо Борисова, на секунду ее нога замирает в движении, она делает шаг назад, оборачивается, внимательно смотрит на Константина Георгиевича, молча садится рядом с ним, трогательно смотрит на него. Достает из сумочки пудреницу, секунду смотрит в зеркало.

Юрий Петрович: Достаточно, спасибо. Теперь, Лариса, твоя очередь.
Лариса подходит к Надежде.

Лариса: Дай на секунду сумочку.

Роется в сумке, достает пачку сигарет.

Лариса: Спасибо.

Проходит мимо Константина Георгиевича, останавливается возле него.

Лариса: Простите, у вас не найдется зажигалки?

Константин Георгиевич: К счастью, нет. Не курю.

Лариса: Простите.

Она отходит, через шаг оборачивается, возвращается.

Лариса: Да вообще-то, я тоже не курю. Хотелось познакомиться. Меня зовут Валентина. А вас? Впрочем, не говорите. Я сама угадаю. Валентин. Нет, Константин. Правда, я угадала? Может, нам куда-то пойти, посидеть? Мне кажется, что вам одиноко. Вы не подумайте, я не удочка, просто вы мне понравились. *(Придвигается к нему поближе.)*

Константин Георгиевич: Все-все, спасибо, достаточно.

Юрий Петрович: Теперь Надежда.

Константин Георгиевич: Не нужно, мне все понятно.

Юрий Петрович: Всем спасибо. Все свободны, то есть идите на репетицию.

Лариса: А как представление называться будет?

Константин Георгиевич: А так и будет — "Представление".

Женщины выходят из кабинета.

Юрий Петрович: Первая или вторая?

Константин Георгиевич: Третья. *(Кладет связку ключей в карман.)*

Юрий Петрович: Интересно... Хотя — да, вы же ее в "Чайке" видели, она Нину играет, которую вы подозреваете в убийстве. Она у нас актриса характерная, в прямом и переносном смысле.

Константин Георгиевич: Это что значит?

Юрий Петрович: Это значит, что характер у нее сложный. Хотя — тут все непростые. Так что — по рукам?

Константин Георгиевич: Договорились.

Пожимают друг другу руки. Константин Георгиевич внимательно рассматривает свою ладонь после рукопожатия.

Юрий Петрович: Пальцы пересчитываете?

Константин Георгиевич: Привычка. Кстати, большого не хватает. *(Прячет его и показывает режиссеру кисть наружной стороной.)*

Юрий Петрович (смеется): О, кажется, закон соленого огурца начинает действовать.

Константин Георгиевич: В понедельник я к вам заеду. В шестнадцать будет удобно?

Юрий Петрович: Абсолютно.

Константин Георгиевич выходит. Юрий Петрович достает из шкафчика заготовленный коньяк и фужер, наливает полфужера и выпивает залпом.

Гаснет свет.

Картина вторая

Прошло пять месяцев.

Кабинет художественного руководителя. Юрий Петрович сидит за своим столом и что-то пишет. После непродолжительного стука дверь открывается, и в кабинет входит Лариса.

Лариса: Юрий Петрович, можно?

Юрий Петрович: А-а, Лариса-актриса, актриса-Лариса. Чайка по-гречески. Утка по-пекински. Присаживайся.

Лариса: Спасибо.

Лариса садится.

Юрий Петрович: Так, слушаю тебя внимательно. В "Чайке" играешь. "Чай, теперь твоя душенька довольна?"

Лариса: Довольна, Юрий Петрович. Но вы понимаете...

Юрий Петрович: Лариса, когда я слышу "вы понимаете", мне сразу становится не по себе, и я перестаю понимать.

Лариса: Вы понимаете, Юрий Петрович...

Юрий Петрович (*перебивает ее*): А хочешь, поставим "Сказку о рыбе и рыбке"? Для тебя много ролей — крестьянки, дворянки, царицы. И корыто в реквизите найдется. Или тебе опять уехать надо? Мама день рождения раз в квартал отмечает?

Лариса: Юрий Петрович, даже не знаю, как сказать.

Юрий Петрович: Просто, без употребления идиоматических выражений.

Лариса: Меня утвердили на главную роль.

Юрий Петрович: Кто?.. Где?.. Когда?..

Лариса: Вчера. На ТВ. В формате "4 плюс 1".

Юрий Петрович: Плюс один — это ты?

Лариса: Из четырех серий полнометражный фильм сделают. История певицы.

Юрий Петрович: Тоска-а-а.

Лариса: Певица не оперная, а эстрадная.

Юрий Петрович: Да, на оперную ты не похожа. А петь кто будет?

Лариса: Ищут. Съёмки начинаются в следующем месяце.

Юрий Петрович: Ну, по ночам будешь сниматься. Я из-за тебя репертуар ломать не буду.

Лариса: Юрий Петрович, я должна была поставить вас в известность.

Юрий Петрович: Ставлю в этом театре я!.. В том числе и в известность.

Лариса: Да, Надьку поставили. Про нее уже вся пресса написала. Одна критикесса с хорошим вкусом назвала статью "Покушение на театр"...

Юрий Петрович (*перебивает*): Критики делятся на две категории — первых нельзя пускать в театр до написания рецензии, вторых — после... Критик не должен иметь вкуса, иначе он превратится в кулинара. Руководствоваться нужно критериями, а не пристрастиями... А тебе кто мешал стать героиней? Дали этюд разыграть...

Лариса: При чем здесь этюд? Говорят, он на "Чайку" десять раз приходил.

Юрий Петрович: А Сталин на "Дни Турбиных" — шестнадцать.

Лариса: Правда?

Юрий Петрович: Есть такая легенда.

Лариса: А я бы на месте Нади на такой контракт не согласилась.

Юрий Петрович: Поторговалась бы еще?

Лариса: Дело не в деньгах... Кстати, "чтобы новым русским стать, бутылочку сколько надо сдать"?

Юрий Петрович: Сама придумала?

Лариса: Прочла у кого-то. А где в их "Представлении" искусство? Искусство где?

Юрий Петрович: В сериале, где ж еще?

Лариса: Нет, Юрий Петрович, если серьезно. Экспозиция, завязка, развитие, кульминация, финал. А у них что? Ну, разговаривает мужчина с женщиной, женщина с мужчиной. Бросают реплики, как мячик. А мораль в чем? Где сверхзадача? Разве это театр? Это ток-шоу. Даже не "Окна", а "Форточка" какая-то.

Юрий Петрович: Слышь, домушница, у Надежды Константиновны, в отличие от тебя, есть способность к импровизации. Джаз играют не все музыканты.

Лариса: Джаз — музыка толстых.

Юрий Петрович: Тебе это дедушка-кагэбэшник рассказывал? Джаз — музыка умных. Не надо Надю жалеть, лучше меня пожалей. Теперь Настю на роль Нины вводить, пока ты искусством в сериале будешь заниматься.

Лариса: У меня дедушка в прокуратуре работал.

Юрий Петрович: Извини, обознался.

Лариса: А мне нашего кагэбэшника, представьте, жалко.

Юрий Петрович: Кого?!

Лариса: Ну, Константин Георгиевича, Борисова... КГБ.

Юрий Петрович: В этом смысле... Да, "и милосердие иногда стучится в их сердца..."...

Лариса: Жалко, потому, что он ненормальный... Юрий Петрович, а почему человек сходит с ума? Бесится с жиру?

Юрий Петрович: Или из-за его отсутствия. И потом, жир у каждого свой. Пьянчужка, который берет вторую бутылку красенького вместо закуски, тоже бесится с жиру. Кстати, знаешь, что младшим братьям по ра-

зуму, обезьянам, которые в клетках сидят, ежедневно положена бутылка крепленого вина?

Лариса: Да ну!

Юрий Петрович: Представь себе. Понятно, что полбутылки выпивает старший брат, работник зоопарка, но стакан им перепадает.

Лариса: Зачем?

Юрий Петрович: Иначе они тоже с ума сходят. Так что наличие острова и личного самолета для схождения с ума не обязательно. С другой стороны, когда у человека много лишнего, он сам становится лишними и начинает рассуждать о смысле жизни и одиночестве.

Лариса: Что-то я этого не замечала у сильных мира сего.

Юрий Петрович: А снаружи не видно. Только изнутри. Может, поэтому он пошел искать новое измерение.

Лариса: Пятое?

Юрий Петрович: Может, и двадцать пятое. Новое. Или хорошо забытое старое. Он вошел в театр, как в алтарь храма, за иконостас. Всем нельзя, а ему можно. Недаром говорят, что театр тоже храм. Только в церковь человек приходит общаться с Богом, а в театр — с Человеком. В церкви, как правило, не о спасении души просят, а о решении проблем насущных. А в театр приходят смотреть, как эти проблемы решаются.

Лариса: А те, которые по десять раз спектакль смотрят, — зачем приходят?

Юрий Петрович: Эти? (*Пауза.*) На сеанс психотерапии. Театр врачует души.

Лариса: Так мы здесь — врачи-психиатры?

Юрий Петрович: Ты пока санитарка.

Лариса: Я?!

Юрий Петрович: Ну ладно, медсестра.

Лариса: Мне кажется, что врачевание душ — это пафос.

Юрий Петрович: Пафос — сын Пигмалиона и Галатеи. Прости за эрудицию. Выскакивает в самых неожиданных местах... Например, в разговоре с тобой.

Лариса: Юрий Петрович, а если бы он на шахту устроился, он бы тоже для себя новое измерение открыл? И стоило бы ему это — ноль. Даже не ноль, а плюс шахтерская зарплата.

Юрий Петрович: Меркантильная ты. Может, наш "сын расчета и отваги" шахтером уже был. На постсоветском пространстве потомственных олигархов нет. Еще не выросли.

Лариса: А почему на их "Представление" столько мужиков ходит?

Юрий Петрович: Самоидентификация. Им хочется, чтобы их любили.

Лариса: Так она ж его вроде как и не любит. Все как в жизни, что-то обсуждают, разговаривают, ругаются иногда... Разве в остальных спектаклях женщины мужчин не любят? А в зале девушки до брака, женщины после развода, бабушки и немного мужиков мелкой россыпью... Вот я и говорю: у них не театр, а шоу, которое начинается с того, что его охрана всех магнитом ощупывает, и сумочки выворачивают. Что они там ищут?

Юрий Петрович: Тухлые яйца, что еще...

Лариса: В чем оригинальность? В том, что спектакль каждый день? Это как мюзикл. Те тоже каждый день играют и поют. Удобно — декорацию менять не надо. А где "новая форма"? Дуэт, состоящий из любителя и профессионала? Смотрите "Ледниковый период" и "Танцы со звездами". Кстати, знаете, почему у них такая популярность?

Юрий Петрович: Хромые танцуют, меццо-сопрано на коньках катаются.

Лариса: На коньках и медведи катаются. Зрителям интересно не как они танцуют, а как падают.

Юрий Петрович: Да, чайка — птица злая... По себе судишь?

Лариса: А что, кто-то судит по-другому?

Юрий Петрович: Тогда почему у нас аншлаг? На сцене не скользко.

Лариса: Ждут, чтобы наш герой споткнулся, а еще лучше — упал.

Юрий Петрович: Не дождутся.

Лариса: Юрий Петрович, а правда, что он под костюм бронежилет надевает?

Юрий Петрович: Нет, только шлем.

Лариса: Какой шлем?

Юрий Петрович: Как у космонавтов.

Лариса: Все время шутите...

Юрий Петрович: По вышеназванным причинам не верьте, барышни, мужчинам.

Лариса: Вопросов больше нет, спасибо.

Юрий Петрович: Это тебе большое спасибо за известность, в которую ты меня поставила.

Лариса: Большое вам на здоровье, Юрий Петрович.

Выходит из кабинета.

Картина третья

Прошла неделя. Пустая сцена театра. На сцене Юрий Петрович прохаживается в режиме туда — сюда. Появляется опоздавшая Настя.

Анастасия: Юрий Петрович, извините, опоздала, пробки.

Юрий Петрович: Знаете, почему женщины живут дольше мужчин? ...Они все время опаздывают... Поскольку Треплев на больничном — надеюсь, дома, а не на репетиции антрепризы, — я буду за него реплики подавать и за Чехова ремарки. Давайте с того места, где он целовал землю.

Анастасия: "Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила? Меня надо убить. Я так утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть!"

Юрий Петрович: Не надо страдать. Когда страдают, жалеют себя, а она просит прощения у Треплева: "Вы прекрасный, умный человек, вы много лучше Тригорина, но люблю я его. Я, может, и хотела бы, но, к большому сожалению, не могу дать вам то, о чем вы просите". От жалости к нему у нее почти останавливается дыхание, поэтому она не кричит. Не стонет. Это почти шепотом. И не заламываете руки. Это раньше в театрах слышно было хорошо, а видно плохо, поэтому нужны были крупные жесты.

Анастасия: Понятно. *(Продолжает.)* "Я — чайка"...

Юрий Петрович: Стоп-стоп-стоп... Что вы, царевну-лебедь играете? Этот повторяющийся рефрен: "Я чайка" — это борьба за жизнь. Она смертельно больна этой любовью, но пытается выжить.

Анастасия: Ясно. *(Продолжает.)* "Не то. Я — актриса".

Юрий Петрович: И сразу: нет, я жива, я теперь личность, хоть и без него.

Анастасия: "И он здесь"...

Юрий Петрович: Она успокаивает себя, почти медитирует, чтоб взять себя в руки. "Он здесь — это ничего, это нормально, я спокойна, я почти спокойна. Я успокоюсь!"

Анастасия: "Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом... А тут заботы любви, ревность, постоянный страх за маленького... Я стала мелочной, ничтожной, играла бессмысленно... Я не знала, что делать с руками, не умела стоять на сцене, не владела голосом. Вы не понимаете этого состояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я — чайка. Нет, не то... Помните, вы подстрелили чайку? Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил... Сюжет для небольшого рассказа"...

Юрий Петрович: За неимением Тригорина она свои извинения перед ним высказывает Треплеву. Говорит о том, что такую женщину, которой она была, невозможно любить. Можно лишь презирать. И Тригорин не виноват, что бросил ее. Это она виновата, что была такой мелочной, бездарной на сцене.

Анастасия: "Теперь уж я не так... Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здесь, я все хожу пешком, все хожу и думаю, думаю и чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы... Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле — все равно, играем мы на сцене или пишем — главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни".

Юрий Петрович: Вот здесь уже лучше... В словах об умении терпеть я слышу голос Антона Павловича. И он знает, о каком творческом терпении идет речь. Между провалом "Чайки" в Петербурге и триумфом ее в Москве прошло два года.

Анастасия: Когда он писал "Чайку", об этих провалах и успехах еще ничего не знал.

Юрий Петрович: Логично... Но предвидел, исходя из собственного опыта. Не спорьте с режиссером, а терпите и веруйте. Ваша героиня умоляет Треплева найти какой-то способ рассказать Тригорину, что она стала другой, такой, как он хотел. Рассказать ему об этом, чтоб он вернулся к ней. И это даже не просьба, это мольба о том, чтобы ее оставили жить, чтобы не убивали. А вы сейчас, словно на собрании, героическую биографию рассказываете. Не забывайте, что задача театра — растрогать. Растрогать зрителя, а не удивить. Удивляться он ходит в цирк. Так, дальше я за Треплева.

Юрий Петрович: "Вы нашли свою дорогу, вы знаете, куда идете, а я все еще ношусь в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно. Я не верую и не знаю, в чем мое призвание".

Анастасия: "Тсс... Я пойду. Прощайте. Когда я стану большой актрисой, приезжайте взглянуть на меня. Обещаете? А теперь... *(Пожимает руку.)* Уже поздно. Я еле на ногах стою... я истощена, мне хочется есть"...

Юрий Петрович: "Останьтесь, я дам вам поужинать"...

Анастасия: "Нет, нет... Не провожайте, я сама дойду... Лошади мои близко... Значит, она привезла его с собою? Что ж, все равно. Когда увидите Тригорина, то не говорите ему ничего... Я люблю его. Я люблю его даже сильнее, чем прежде... Сюжет для небольшого рассказа... Люблю, люблю

страстно, до отчаяния люблю. Хорошо было прежде, Костя! Помните? Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какие чувства, — чувства, похожие на нежные, изящные цветы... Помните? (*Читает.*) "Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом, — словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли".

Юрий Петрович: Достаточно. Как вы думаете, зачем Нина признается Косте в любви к Тригोरину? Ведь этим она его убивает. Через несколько минут он застрелится. Это убийство по неосторожности или умышленное?

Анастасия: Скорее — в состоянии аффекта.

Юрий Петрович: Как на войне? Там все убивают в состоянии аффекта, наверно, поэтому не несут ответственности. Нет, здесь другое. Чем Костя ее спровоцировал? Откуда такая жестокость? Или бездушность... Говорит одно, думает другое, делает третье. Делает больно когда-то любимому человеку и тем самым убивает его.

Анастасия: Вы на самом деле так думаете?

Юрий Петрович: Так думает Борисов, а я ищу в его рассуждениях ошибку.

Анастасия: Говорят, он раз десять приходил на "Чайку".

Юрий Петрович: Значит, зацепило. Увидел что-то про себя, про то, что волнует.

Анастасия: Можно, мы сделаем перерыв, и я покурю?

Юрий Петрович: Давайте не будем, я вас лучше леденцами угощу. (*Угощает Настю конфетами.*) При помощи этого безобидного средства бросил курить, чего и вам желаю.

Анастасия: Юрий Петрович, вот они играют свое "Представление" уже почти три месяца. Можно, я задам вам бестактный вопрос? А в чем режиссура? Ее же там не видно.

Юрий Петрович: Хвала режиссеру, чьи уши не торчат из-за спин актеров.

Анастасия: Интересная история — драматургии нет, режиссуры не видно, а аншлаг имеется.

Юрий Петрович: Кстати, у этого немецкого слова много значений. Это и удар, и расчет, и покушение, и даже игра в палочку-выручалочку. Что касается того, что все билеты на спектакли проданы, то "чем дальше от театра, тем ближе к нему"... Актер бывает вооруженным и безоружным. В первом случае он выходит на сцену, и ему уже все режиссер выстроил, он заранее знает все движения, мысли и эмоции персонажа. Такой актер

защищен. А когда намечен только общий рисунок роли, актер рискует, но в момент игры рождается нечто живое, единственное в своем роде... Конечно, проще выходить в броне отрепетированного, главное — не приклеиться к усам своего героя. Но искренность, которая рождается в момент репетиции, исчезает... Как исчезает живое вино, которое обрабатывают серой и запечатывают в бутылки.

Анастасия: Почему вы со мной так не репетируете?

Юрий Петрович: К классике подход классический. Тренироваться будем на современниках.

Анастасия: Но ведь в их спектакле нет действия.

Юрий Петрович: Помните, что писал Чехов о "Чайке" в письме жене?

Анастасия: Не помню.

Юрий Петрович: Значит, это я Ларисе рассказывал... "Страшно вру против условий сцены, в моей пьесе мало действия, много разговоров о литературе и пять пудов любви".

Анастасия: Только вся любовь безответная... Борисов тоже хотел пять пудов любви, но сыграть ее нельзя.

Юрий Петрович: Почему? Если фильм эротический — еще как можно. А серьезно, если нельзя сыграть любовь, то надо играть ее доказательства, что Надя и делает.

Анастасия: Нас учили, что играть можно только глаголы, а не существительные.

Юрий Петрович: Не знаю, один актер хорошо цыпленка табака изображал.

Анастасия: Лично мне подробные разговоры про любовь кажутся душевным стриптизом. У нас не принято открытое проявление чувств. А где у них драматургия?

Юрий Петрович: Мой водитель говорит: "Где вода, там и рыба". Есть конфликт — есть и драматургия. Вернемся к классике...

Анастасия: Юрий Петрович, почему Борисов покупает чужую любовь?

Юрий Петрович: Своей нет, а деньги есть. Что делать?

Анастасия: Искать подлинную.

Юрий Петрович: Вы когда голодны, купите колбасу или пойдете на базар покупать натуральные продукты и три часа готовить обед?

Анастасия: Это другое.

Юрий Петрович: Только на первый взгляд. Понимаете, он пришел в театр, как в церковь, за спасением.

Анастасия: Мне трудно понять его проблемы, я после развода не всегда до зарплаты дотягиваю.

Юрий Петрович: Денег, как и внимания, всем не хватает. Знаете, как помирить богатых и бедных? Одним нужно сделать вакцинацию от зависти, вторым от жадности.

Анастасия: Дело не в зависти. Старый рецепт: если тебе плохо — влюбись, если тебе плохо — трудись. Что ж он в театр пришел, а не в тайгу поехал, лес рубить?

Юрий Петрович: У меня есть знакомые, они зимой садятся в джип, выезжают за город и едут по бездорожью, пока в снегу не застрянут. Потом идут в ближайшую деревню одалживать лопаты, откапывают джип. Или проще — едут в лес без зажигалок, с одной спичкой. Костер сооружают. Во-первых, холодно, во-вторых, всем курить хочется, а спичка одна. Такие вам нравятся или вы их считаете идиотами?

Анастасия: Я с такими не знакома. А что касается идиотов, то когда Настасья Филипповна бросает деньги в камин, с этого момента она перестает для меня существовать. Не нужны деньги — отнеси их в приют. Нет, для нее собственные эмоции выше всех страданий мира... Может, я меркантильный человек... Будете ставить — не предлагайте мне эту роль...

Юрий Петрович: Но ведь деньги из огня вытащили.

Анастасия: Дело не в деньгах, а в поступке. Неважно, будет ли у меня роман с мужем моей подруги, я не должна идти на встречу с ним.

Юрий Петрович: Почему?

Анастасия: Потому что это муж моей подруги. Может, и свидания не случится, мы просто поговорим. Но если я из дома вышла накрашенная, собранная и в красивом белье, значит, я ее предала.

Юрий Петрович: Когда?

Анастасия: В тот момент, когда надела красивое белье.

Юрий Петрович: То есть Настасья Филипповна надела красивое белье, бросив деньги в огонь? Интересная трактовка.

Анастасия: А Борисов предал себя в тот момент, когда начал искать простого, человеческого своими олигаршскими способами.

Юрий Петрович: Что вы имеете в виду?

Анастасия: То, что слесарь дядя Вася, у которого проблем полная хижина, малую сцену не построит, и стриптизершу за миллион не наймет. И себя в качестве шеста на сцене не поставит. Чтобы стать привлекательным, надо отдавать, а он пришел в театр брать. Те, у кого есть деньги и власть, должны вести себя так, чтоб им простили и то и другое.

Юрий Петрович: Кому должны? Всем, кому должны, они уже давно простили... Извините, повторяюсь. Он пришел к нам за спасением, за палочкой-выручалочкой. Так что же, нам его прогнать? Может, он чувствовать не умеет, радоваться? Мне в детстве мама тоже говорила — посмотри на себя, улыбнись, ты же радоваться совсем не умеешь. Я, когда случается удача, радуюсь минуту-две. Потом вспоминаю, что удача сейчас, здесь, в этой точке, а этих точек еще столько... только удачи в них нет... А когда случается неприятность, наоборот, погружаюсь в нее как минимум до следующего утра... Характер — это судьба...

Анастасия: Выходит, мы обречены на самоедство?

Юрий Петрович: Нет. Мы настроены природой на выживание. Как только съели банан, сразу надо оглянуться по сторонам, нет ли тигра или змеи, и где мы воды попьем, где на ночлег останемся? Вокруг враждебный мир. Наверное, это осталось в подсознании... Хотя мир и не стал более дружелюбным. С другой стороны, если сейчас хорошо, значит, надо добиться еще чего-то, потому что это уже есть. В погоне за следующим "чего-то" начинаются очередные неприятности...

Анастасия: А вообще, у него комплексы.

Юрий Петрович: Да, это правда... Один складской и два нефтеперерабатывающих. Давайте вернемся к Чехову, время идет.

Анастасия: Можно личный вопрос?

Юрий Петрович: В порядке исключения.

Анастасия: Почему Цветаева не любила Чехова?

Юрий Петрович: Наверно, потому что он никогда бы не подписался под ее строчкой "Я знаю правду, все прочие правды прочь". Чехов свою правду знал, но с уважением относился к правдам других.

Анастасия: Я раньше не обращала внимания, а ведь все герои в пьесах Чехова не просто несчастны, а несчастны безнадежно. Кто виноват?

Юрий Петрович: Не знаю, наверно, жизнь виновата в том, что люди не понимают друг друга. А вообще, где вы в русской литературе счастливых героев видели? В сказках, да и то не во всех... Это при коммунистах социальный заказ поступил на "огромную и счастливую землю, которая зовется Советской страной". До этого страдали.

Анастасия: А "Капитанская дочка"? Счастливый конец.

Юрий Петрович: Исключение, которое подтверждает правило.

Анастасия: Получается, если не чувствуем запаха боли, то и героя нет?

Юрий Петрович: Каждому человеку трудно. Поэтому подсознатель-

но нравится тот, кому еще хуже. Во всяком случае, не ощущаешь себя одиноким. Знаете историю про рыжего клоуна?

Анастасия: Не помню.

Юрий Петрович: Приходит к психотерапевту мужик, говорит, депрессия у меня. Ничего не хочется, того и гляди повешусь. А врач ему — я мог бы прописать вам таблетки, но советую сходить в цирк. Мне тоже было грустно, пошел на представление, а там рыжий клоун. Солнечный, веселый. Посмотрел — и вся дурь из головы ушла. Сходите в цирк... А мужик ему: "Нет, не получится". Врач: "Почему? Билеты дорогие". А тот: "Дело не в билетах, просто рыжий клоун — это я".

Анастасия: Грустно...

Юрий Петрович: Вот я смотрю на Борисова и думаю — он в театр пришел, а мне как рыжему клоуну куда идти?

Анастасия: У вас-то что не так?

Юрий Петрович: Думаете, у меня проблем нет? Дети разъехались, жена выросла... До завкафедрой... Мы с ней теперь оба — руководители.

Анастасия: Я слышала, что она замечательный лингвист.

Юрий Петрович: Да... Это очень важно для брака.

Анастасия: А мы?... Мы вас любим.

Юрий Петрович: Но странную любовью...

Анастасия: И Лариса...

Юрий Петрович: Что — Лариса?

Анастасия: А то вы не знаете, что она была в вас влюблена.

Юрий Петрович: Лучше бы она театр любила. Так, перекур закончен. Пойдемте репетировать.

Анастасия выходит в центр сцены.

Анастасия: "Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила? Меня надо убить. Я так утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть!"

Юрий Петрович: Вашу бабушку! Я же просил — не надо страдать...

На сцене гаснет свет.

Картина четвертая

Прошло несколько дней.

На сцене Константин Георгиевич и Надежда.

Они играют, обращаясь к арьеру. Мы видим окончание их "Представления", как будто сквозь стеклянную стену.

Гостиная. Он сидит на диване, на столике чайный прибор.

Он: Где ты, где твой чай?

Она: Иду-у-у!

Она вносит поднос с чайником и прочим. По ходу диалога разливает чай.

Он: Ужинать после театра всегда поздно.

Она: А до — слишком рано. И все время смотришь на часы — успеешь, не успеешь.

Он: Учítывая, какой спектакль мы посмотрели, ужинать надо было не до и не после, — а вместо.

Она: А мне понравилось.

Он: Интересно, что?

Она: Решение, музыка...

Он: Музыка? Скорее — да. В ней есть некий ритм. А чья она?

Она: Том Вэйтс, "Русский танец".

Он: Русский? Не похоже.

Она: Ну, так он его назвал. Американские горки в Америке называют "русскими".

Он: Давай тоже наоборот — не чаю, а вина выпьем.

Она: Открывай.

Он: Красное, белое?

Она: Розовое.

Он уходит со сцены и возвращается с открытой бутылкой вина и двумя бокалами.

Он (поднимает бокал): За нас! (Чокаются, выпивают.) Стой, а где же цветы?

Она: Кажется, в машине забыла.

Он: Обидно...

Она: Ну, не обижайся, ты же не напомнил... Главное, что ты их подарил. Как обычно, в субботу.

Он: Жаль. Мне всегда нравилось смотреть, как, зайдя домой, ты занимаешься цветами — подрезаешь, ставишь в воду, — а потом делаешь все остальное.

Она: А есть женщины, которые относятся к цветам по-другому?

Он: Не знаю, я давно дарю их только тебе.

Она: Допустим. Налей мне еще.

Он наливает. Пауза. Молча пьют вино.

Она: Скажи, а что такого необыкновенного было в том счете?

Он: В каком?

Она: Который ты так тщательно изучал в ресторане?

Он: Я изучал счет?

Она: Как будто хотел выучить наизусть.

Он: А что зазорного в том, что я прочитал, за что именно должен отдать деньги?

Она: Обычно ты смотришь на итоговую цифру.

Он: А сегодня я посмотрел на все.

Она: Неправда. Ты пять минут делал вид, что изучаешь счет, чтобы не реагировать на пьяных козлов, которые матерились в трех метрах от твоей женщины. Вместо того чтобы подойти и дать в морду.

Он: Во-первых, не пять минут, во-вторых — задумался. Поверь, мне есть о чем думать, кроме поведения соседей в ресторане. В-третьих, в сегодняшнем спектакле тоже звучал мат, но тебя это не задевало. И уйти в антракте ты не согласилась.

Она: В театре мат был оправдан характером героя.

Он: И в ресторане тоже. Мужики выпили, расслабились... Такие у них характеры.

Она: А те двое, что все время пялились на меня?

Он: Противные типы.

Она: Вот именно!

Он: И что? Нужно было устроить скандал? Ну, обратили внимание на красивую женщину, значит, у них хороший вкус. Мне даже нравится, когда на тебя оборачиваются.

Она: Безусловно! Ведь это значит, что ты сделал правильный выбор.

Он: Не драматизируй! (*Поднимает бокал.*) За хороший вкус — мой, твой, вина, театра.

Она: А ты когда-нибудь дрался за какую-нибудь девочку, которую обидели?

Он: За девочек? Дрался. Часто... А один раз — за ту, которую обидели. Мало того, что отлупили, так она еще и ушла с обидчиком.

Она: Понимаю, девочка тебя кинула.

Он: Послушай, в чем дело? Что случилось? Что не так?

Она: Все так.

Он: Но я же вижу, что не так. Что я такого сделал?

Она: Ты все делаешь так, даты помнишь, суббота — театр, ресторан, цветы. А ты не делай, а сделай... что-то необычное — например, морду кому-то набей!

Он: В ресторане? Все, тебе больше не наливать, раз пьяной драки захотелось!

Она: Захотелось! В том-то и беда...

Он: Ну хорошо, я поеду и набью им морду, если они еще не ушли... Или они мне.

Она: Нет, драться надо было тогда.

Он (с сарказмом): Ты решаешь, когда надо? Чего ты хочешь?

На сцене повисает пауза.

Она: Давай разговаривать?

Он: Наконец-то нашла место и время.

Она: Ну, пожалуйста... Помогите мне. Что-то происходит.

Он: Хорошо, давай разговаривать.

Она: Когда мы молоды, нам приятно, что из-за нас мальчишки дерутся. А когда взрослеем и замуж выходим, то уже страшно, когда муж в драку лезет. А сегодня мне этого захотелось... И это меня удивило... Даже испугало... Понимаешь, о чем я?

Он: Боюсь, что да.

Она: Мне всегда хотелось идти домой, когда я знала, что ты дома. А когда тебя нет — ждать тебя. Идти в супермаркет, покупать продукты и готовить обед, хотя очень хочется есть. Но без тебя — это не еда. А теперь я перекусываю на ходу...

Я никогда с подругами о нас не говорила. Смешны были бы советы, что полезно проводить время друг без друга, по отдельности ездить в отпуск. А теперь я об этом думаю. Не знаю, хочу ли я этого, но страшно, что такие мысли приходят в голову!

Он: Подожди, подожди, надеюсь, речь не о том, что меня часто нет дома, что я не хочу быть с тобой, что не уделяю внимания?

Она: Конечно, нет! Не притворяйся, ты все понимаешь... Не сбивай меня. Как легко было с тобой молчать! И не нужно было расспрашивать, все само говорилось...

Ты обращал внимание, как громко играет в ресторанах музыка? Она не дает говорить, но большинство выбирает рестораны с музыкой погромче. Потому что музыка дает возможность молчать, когда разговаривать не о чем. Да и в театре мы молчим, говорят другие. В чем-то похожие на нас...

Он: Мы похожи. Может, даже очень
На тех, кто нужен нам. Но не они.
Так на севере бывают летом ночи
Удивительно похожими на дни.

Она: Красиво. А чье это?

Он: Не помню.

Она: Правда, мы сейчас лишь похожи на тех, кто нам нужен... Я думаю, думаю об этом и боюсь. Боюсь, что говорить станет не о чем.

Он: Ну вот сейчас ты нашла о чем говорить... А теперь позволь мне. Ты все пытаешься проанализировать, тонкости выискиваешь, а хоть раз ты просто сказала мне, что любишь? Ни разу. Я тебе в любви признавался, а ты мне никогда.

Она: Для тебя так важно слово?

Он: Сказать "люблю" еще не значит любить, но не сказать — значит?! А что легче сказать — "люблю" или "не люблю"?.. Расскажи мне эту историю...

Она: Какую историю?

Он: Откуда я знаю, какую. Но ведь какая-то есть? Тогда, на озере... Все шумят, болтают, а вы разговариваете друг с другом, как будто вокруг никого. Мы с ней сидим рядом, смотрим на вас, друг на друга, ничего не понимаем и чувствуем себя лишними.

Она: А вот об этом я говорить не буду.

Он: Почему?

Она: Потому что если бы была история, то не было бы общения в такой компании. Тема закрыта.

Он: А почему ты считаешь, что можешь отвечать или не отвечать? Ты считаешь, что имеешь право судить всех, а сама боишься сказать правду.

Она: Я ничего не боюсь. Точнее, боюсь всего, что, впрочем, одно и то же.

Он: Не знал, что рядом такая бесстрашная трусиха.

Повисает пауза.

Она: Когда я была маленькой, и мы жили в коммунальной квартире, у нас в комнате стоял шкаф.

Он: И ты его боялась?

Она: Не перебивай. Шкафу было лет сто, он занимал полкомнаты, у него было много полок, ящичков, он казался загадочным миром, в котором можно путешествовать, раскрывать тайны, находить клады. Часть замков поломалась, но не все. Ты в детстве любил залезать туда, куда нельзя?

Он: Я и сейчас люблю.

Она: Мне строго запрещали открывать то, что закрыто, но когда я оставалась одна, это было любимым занятием. Был один ящик, ключи к которому я найти не могла. И вот однажды под стопкой маминых рецептов нашла ключ. Там были непонятные бумаги, и я попыталась его закрыть. И тут ключ застрял! Я крутила его и так, и этак, пока он не сломался. Я пыталась вытащить обломок из скважины — отверткой, ножницами, иголкой — ничего не получалось. Положила обломанный ключ на место.

И стала ждать. Ждать и бояться. Я чувствовала себя преступницей, но сознаться в своем преступлении не могла. Чем больше времени проходило, тем невозможнее становилось признание.

Он: Родители не заметили? Или сделали вид?

Она: Не знаю, но это было настоящей пыткой, я все время ждала вопросов, придумывала новые ответы, один невероятнее другого... Родители не спрашивали, я мучилась, стало казаться что я — это другая девочка, а я со стороны наблюдаю, как она выкручивается, как прячет страх и делает вид, что ничего не произошло. Мне было стыдно за ее бездарную игру. Я наблюдала за родителями. Я уже не любила, а боялась их, за то, что когда-нибудь они обнаружат мое преступление. И за то, что медлят с этим открытием. Может, они решили меня так воспитывать? Я не могла найти выхода.

Он: И кто его нашел?

Она: Никто. Родители дождались новой квартиры, мы переехали, а шкаф как не подлежащий перевозке разломали и выбросили. И никаких тайн в том ящике не было. Но я первый раз поняла, что такое ситуация, которая не имеет решения. И что такое одиночество.

Он: И понесла эти страхи дальше?

Она: Поменяла на новые. Расскажи мне свои.

Он: Зачем тебе?

Она: Легче будет... Иногда для спасения и слова достаточно.

Он: Спасение?... Это было давно. Мы вышли на яхте в залив, погода была хорошая, море тихое, вода теплая. Шли в двух милях от берега. Я заметил какой-то странный предмет. Подходим ближе — а это женщина плывет. Причем от берега. В макияже, в ушах золотые сережки... Мы окликнули ее, предложили помощь. Она жестом показала, что все в порядке. Мы пошли дальше. Идем, а у меня чувство тревожное, что-то не так. Развернули яхту, пошли назад, а она исчезла. Еще раз повернули, потом еще... Погода стала портиться. Солнце ушло, море из голубого превратилось в серое... Задул порывистый ветер... Мы волновались вместе с морем, но ее так и не нашли.

Она: Ты испугался, что она утонула? Что вы не вытащили ее из воды?

Он: Я испугался, что не принял правильного решения. С одной стороны — может, она чемпион мира по плаванию... И для того чтобы утонуть, не нужно отплывать на две мили... От помощи она отказалась. Вытащить из воды насильно? Но мы же не со спасательной станции. Она могла потом заявить, что ее хотели изнасиловать. А с другой стороны, надо было вытащить... Может, она была пьяна? Как можно оставлять женщину одну в нескольких милях от берега? Ведь это почти открытое море...

Если в открытом море видят человека — звучат команды: "Человек за бортом!", "Полный назад!", "Стоп, машина!", "Шлюпку на воду!". И его вытаскивают независимо от желания, потому что от долгого пребывания в соленой воде он мог с ума сойти... Вокруг вода, а пить ее нельзя... Соленый раствор... Хотя мы все в этом растворе: крови, пота, слез... С рождения, и даже раньше... Главное не сойти с ума...

Она: У японцев есть такое понятие — гири, долг чести. То есть ты должен тому, кто тебе помог. Если помочь упавшему на улице человеку подняться — это значит воспользоваться его положением, чтобы навязать ему долг благодарности. Поэтому лучше пройти мимо, если тебя не просят, это вежливо и порядочно.

Он: Но это же не в Японском море случилось! Кто ждет благодарности за доброе дело? Все знают, что добро у нас наказуемо. Стыдно ли мне, что я так поступил? Не знаю... Мне страшно, что я не знаю! Я все время мучаюсь: так или не так нужно сделать в той или другой ситуации, здесь или там? Нет, нет... Это не проблема выбора. Ты же знаешь, я достаточно уверен в себе, во всяком случае, партнеры в этом не сомневаются. Я вроде надежный человек, но никто не знает главного. Чем дальше, тем больше я наткнулся на вопросы, не имеющие решения. Для меня. Я не могу себя найти, как ту женщину. И тебя... Ты ведь никогда не просила помощи. Сегодня в первый раз. Прости, не могу больше говорить. Пойду подышу воздухом.

Она: Ты хочешь вернуться в ресторан?

Он: Нет, просто пройдуся. Я устал, мне надо подумать.

Она: Подожди, останься. Мы оба устали, уже поздно. Куда ты в таком состоянии? (*Берет его руки в свои, поглаживает их.*) Успокойся, успокойся... Все будет хорошо. Тогда на море тучи были?

Он: Сначала облака.

Она: Вот видишь. Что же можно было разглядеть на воде: солнце, облака, игра воды — это как в театре, когда меняют освещение, что-то появляется, что-то пропадает. Может, и не было той женщины? А волны были?

Он: Нет, было тихо.

Она: Успокойся, если шторма не было, она могла сама добраться до берега, она же прекрасно плавает, если несколько миль уже проплыла. Она ведь не просила о помощи?

Он: Не просила.

Она: А другие яхты были поблизости?

Он: Были, но не очень близко.

Она: А сколько прошло, пока ты вернулся?

Он: Минут двадцать...

Она: Кто-то мог проплыть рядом и подобрать ее. Может, скутер какой-то. Там ведь везде кругом прямо. Море... *(Пауза.)* Для меня море это мамины ноги. Длинные и сильные. Когда я была маленькая, она клала меня на них и качала, как на волнах... Я знаю, что все закончилось хорошо.

Он: Откуда?

Она: Чувствую... Я всегда чувствую, когда ты делаешь что-то неправильно, даже если ты об этом не говоришь. Слава Богу, мы столько лет вместе. Сядь, успокойся, ты весь дрожишь. Не уходи сейчас, не оставляй меня. Как бы мне ни было страшно, мне спокойней, когда ты рядом, я чувствую защиту, я знаю, что ты все решишь, придумаешь, найдешь выход. Мне с тобой хорошо. Я тебя не боюсь. Страшно снять перед кем-то кожу, но если все получается, — это счастье. Или любовь. Ты — мое счастье. Прости мне мои глупости, в конце концов, я только женщина. И я люблю тебя. Я действительно тебя люблю.

Он: Я тоже. Ты только не смейся, но я проголодался.

Она: Вот и отлично. Сейчас я что-то приготовлю.

Он: Может, закажем чего-нибудь?

Она: Пиццу?

Он: Нет. Давай суши.

Она: Заказывай. И sake не забудь. А с меня — гири.

Он: И гантели. Причем золотые.

Она: Да ну тебя.

Подходит к нему и целует его в щеку.

На арьере опускается занавес. Слышны аплодисменты. Константин Георгиевич и Надежда еще раз выходят на поклонь. Возвращаются назад на сцену. Им вручают цветы, они кланяются зрителям. Занавес снова опускается. Они подходят ближе к авансцене. Рабочие убирают сцену.

Надежда: Спасибо, Константин Георгиевич. Ну как?

Константин Георгиевич: Мне понравилось. А вам?

Надежда: Мне тоже, особенно стихи. Чьи они?

Константин Георгиевич: Мои.

Надежда: Так вы — поэт?

Константин Георгиевич: Был когда-то... В прошлой жизни.

Надежда: Прочтите что-то еще.

Константин Георгиевич: Ну... Например, почти экспромт...

Достает из кармана связку ключей, начинает перебирать их в руках.

Читает стих:

Сколько слов безрассудных я вам не сказал,
Сколь желаемых встреч не назначил...
Не дарил вам цветы, не носил на руках,
Не робел, приглашая на ужин,
И в своих неоправданно смелых речах
Не сказал я, что буду вам нужен.

Надежда: Замечательно. Что играем завтра? Надо заказать исходящий реквизит.

Константин Георгиевич: У меня есть предложение на сегодня. Три месяца как мы играем "Представление", и я хотел бы осмелиться и пригласить вас на ужин... ну, чтобы отметить первый квартал.

Надежда: Спасибо, вы очень внимательны, но я в это время уже не ем.

Константин Георгиевич: Хорошо. Давайте тогда отметим юбилей завтра за обедом.

Надежда: Перед спектаклем я тоже не ем.

Константин Георгиевич: А как же нам пообщаться в неформальной обстановке?

Надежда: А разве на сцене мы общаемся формально? Критика утверждает, что мы здесь живем. Вы ведь хотели жить. Кажется, получилось... Хорошая тема для завтрашнего спектакля — мы отмечаем юбилей, первый...

Константин Георгиевич: Отмечают первый, хотя важнее — нулевой. Но мне хочется сказать нечто, предназначенное только для вас, зрителям об этом знать не обязательно.

Надежда: Константин Георгиевич, у нас все замечательно, я вам бесконечно благодарна. Я никогда не была так популярна. Каждый вечер аншлаг, и в проходах такие люди, что хочется передать со сцены кресло, чтобы они сели... Благодаря контракту я поменяла квартиру, купила машину. Все замечательно. И мне надо готовиться к завтрашнему спектаклю. Скажите, что мы завтра играем? Я и так не всегда понимаю, куда у нас пойдет.

Константин Георгиевич (продолжая перебирать ключи): Вы меня не понимаете. Я... Мне кажется, что это именно то, ради чего я все затеял. Сейчас я понимаю: беда не тогда, когда не получилось то, чего сильно хотел. Это не страшно. Не получилось сейчас — потом получится. Беда — это когда ты ничего не хочешь. Смерть желаний... То есть пить, есть и так далее хочешь, но эти процессы, как разноцветные шарик, которые уже не

радуют. От жизни ничего не хочешь. А я захотел. Сегодня. Впервые за многие годы.

Надежда: Чего захотели?

Константин Георгиевич: Полететь с вами на остров. Давайте улетим на неделю?

Надежда: А как же контракт? Проданные билеты?

Константин Георгиевич: Не страшно. Выплатим неустойку. Перенесем на поздний срок.

Надежда (смеется): Билеты и так все наперед распроданы. Простите, но я не хочу на остров.

Константин Георгиевич: Не хотите? Хорошо. Давайте в Париж или в Венецию... А хотите — в Токио. Билеты заказывать не надо, у меня свой самолет. Он пять тысяч пролетает без посадки.

Надежда: Да не хочу я никуда лететь!

Константин Георгиевич: Почему?

Надежда: Высоту плохо переношу, при посадке уши болят.

Константин Георгиевич: Тогда поплывем на речном теплоходе. А потом пересядем на морской.

Надежда: За неделю не уложимся.

Константин Георгиевич: Не страшно. Если вы согласны — можем и в кругосветное плавание.

Надежда: А морская болезнь?

Константин Георгиевич: Я начинал свою карьеру грузчиком. На пассажирском теплоходе.... Старший смены, а нас было двое, учил меня, что каждый должен за ящик хвататься первым, тогда работа поделится поровну... В любви, наверно, тоже так. Для того чтобы полюбили тебя, надо, чтобы полюбил ты.

Надежда: Это условие необходимое, но не достаточное. Константин Георгиевич, честно — спасибо за вашу откровенность. Дело в том, что я не хочу с вами, потому что... Нет, мне очень нравится с вами на сцене...

Константин Георгиевич: Подождите. Вы пять минут назад смотрели на меня так, что я не поверю, что вы со мной не хотите.

Надежда: Я все-таки актриса.

Константин Георгиевич: А ваши глаза? Ну, Бог с ними, с глазами... Сегодня вы держали меня за руку так, что я чувствовал, что вы ко мне равнодушны. Вы впервые взяли меня на сцене за руку. И минуту не выпускали... Это тоже игра?

Надежда: Если честно, у вас сегодня дрожали руки. Поэтому я их и держала.

Константин Георгиевич: Дрожали? Да, у меня утром была неприятность. Обстреляли машину, когда я ехал на работу, ранили водителя. Весь день в прокуратуре, отпустили только на спектакль... Великая сила искусства.

Надежда: Простите, но я же не знала. Хотя... с самого начала чувствовала, что-то случилось. Надо было отменить спектакль. Вас не задели?

Константин Георгиевич: Меня задели... Вы... Когда меня прикрыли и придавили к сиденью, я жалел только о том, что не увижу вас вечером. Понимаете — во мне что-то случилось.

Надежда: Я понимаю.

Константин Георгиевич: Когда-то в молодости читал книгу... Не помню названия. Там человек шел по мосту, а незнакомая девушка прыгнула с него в воду. Он хотел броситься, чтобы спасти, но не решился. Потом часто приходил на этот мост и звал: "Девушка, бросьтесь в воду еще раз — и спасите нас обоих". Это в книжке. А в жизни была другая история. С женщиной, которая у меня работала. Иногда мы встречались вне работы. Однажды она сказала, что любит меня и не может находиться рядом просто так. Либо мы меняем что-то в нашей жизни, либо она уйдет. Я не придавал этому особого значения, подумал — ни к чему... Отшутился. А через неделю понял, что к чему, но ее уже не нашел... Ее ищут много лет. Как вы понимаете, ищут хорошо, но найти не могут... А сейчас я нашел вас.

Надежда: Знаете, отвечу откровенностью на откровенность. Когда нас пригласили в кабинет к Юрию Петровичу, а потом рассказали об этом проекте, о том, что вы несколько раз приходили на "Чайку" и выбрали именно меня, я подумала, что это — попытка познакомиться поближе. Что "очередной купец будет приставать с любезностями"... Из тщеславия многие хотят дружить с актрисами.

У меня был поклонник. Не знаю, богаче вас или нет... Он тоже пытался ухаживать. Но у меня такой характер: если человек не нравится, то уговаривать себя, что нравится, я не буду. Поэтому ничего у нас с ним не получилось... Я про одиночество тоже не понаслышке знаю. У меня были моменты, когда приходишь домой, и хочется квартиру с сигнализации не снимать, чтобы милиция приехала. Пусть оштрафуют, но чтобы кто-то искренне заинтересовался тобой и тем, что ты делаешь.... Когда началась эта история... не знаю, роман вы хотели со мной... писать или небольшой рассказ, я ждала подобного разговора. Ждала, что вы будете рассказывать, как придумали эту историю, увидев меня в роли Нины, и вам пришлось построить малую сцену, чтобы завоевать мое внимание. Может, и не ждала, но думала об этом. Было даже немножко обидно, а какое-то время —

множко, что не начинаете ухаживать... Хотя чего жаловаться? Популярность, достаток, много зависти — что еще нужно? Но буквально месяц назад благодаря вашему проекту я познакомилась с одним человеком и, простите, влюбилась.

Константин Георгиевич: Господи, вы же целый день заняты! Когда вы успели?

Надежда: Успела.

Константин Георгиевич: И кто он, если не секрет? Разве что журналист?

Надежда: Вы сами сказали....

Константин Георгиевич: Моя ошибка. Надо было в контракт ввести пункт "Никаких журналистов".

Надежда: Он брал у меня интервью, несколько раз был на наших спектаклях.... Вы ему тоже очень нравитесь.

Константин Георгиевич: Надеюсь, не так, как вы.

Надежда: Да. К счастью, я нравлюсь больше, и это прекрасно. Я вам очень признательна. Очень благодарна. Но у меня такой характер. Можете навести справки. Вы странный в одном, я в другом. Мне нравится, когда человек интересен невзначай, а не по совокупности причин. В общем, ситуация, как в "Дубровском", — поздно!

Константин Георгиевич: При чем здесь "Дубровский"? Вы же с вашим журналистом еще не повенчались?

Надежда: Если вам не нравится "поздно", тогда "рано". И потом — найдется та женщина, которую вы ищете. Пройдет время — и все образуется. У вас все будет хорошо. Раз ищете — значит, есть надежда, а это главное.

Константин Георгиевич: Надежда умирает последней.

Надежда: Неправда. Последним умирает человек. Константин Георгиевич, что мы играем завтра?

Константин Георгиевич: Завтра... Надежда есть, а надежды нет... Ну, вы же предложили. Давайте сыграем юбилей. Юрий Петрович оказался прав, в театре не играть нельзя!

Надежда: Простите за бестактный вопрос... Ваша жена была на "Представлении"?

Константин Георгиевич: Не поверите, но и ей вы понравились больше.

Надежда: Спасибо. До встречи. *(Улыбается.)* И не опаздывайте. Хотя вы никогда не опаздываете. Это я один раз, и то неправда. Завтра мы должны сыграть еще лучше.

Константин Георгиевич: Обязательно. Обещаю, что руки дрожать не будут.

Убирает связку ключей в карман.

Надежда: Будьте осторожны.

Константин Георгиевич: Наверное, я нервничал, собираясь пригласить вас на ужин. Теперь это позади. Простите...

Константин Георгиевич уходит первым.

Картина пятая

Прошел день.

По сцене нервно ходит Надежда. Входит Анастасия.

Анастасия: Тебе просили передать.

Передает Надежде конверт. Надежда бросает его на столик.

Надежда: Потом, потом, Настя, сейчас не до этого. Где Борисов? Уже время, полный зал, а он где?

Анастасия: Не звонил?

Надежда: Нет. А охрана его на месте?

Анастасия: Не знаю, не обратила внимания. Хотя постой, по-моему, сегодня проходили без обыска. И Юрий Петрович ничего не знает?

Решительно входит Юрий Петрович, в руке у него зажженная сигарета.

Юрий Петрович: Спектакля не будет. Все, Надежда, не нервничай. Анастасия, заберите сигарету. *(Затягивается, отдает ей зажженную сигарету, она уходит.)* Все, все. Все со сцены, я должен объявление сделать. Поднимайте занавес. *(Обращается к гипотетическим зрителям.)* Уважаемые господа. Спектакля сегодня не будет. Деньги можно получить в кассе.

Крики из зала: Мы три цены за билет платили! Перенесите спектакль на другой день! А что, собственно говоря, случилось?

Юрий Петрович: Случилось то, что главный герой не может участвовать в спектаклях. *(Обернувшись к рабочим сцены.)* Опускайте занавес, вашу бабушку!

Занавес опускается. Надежда подбегает к худруку.

Надежда: Что произошло? С ним что-то случилось?

На сцену быстрым шагом входит Лариса.

Лариса: Вы слышали, сейчас по телевизору передали...

Юрий Петрович резко оборачивается и взглядом останавливает ее.

Лариса осекается.

Надежда: Что передали?

Лариса (*после паузы*): В этом году ожидается... очень жаркое лето.
*На сцену вслед за Ларисой быстро выходит Анастасия,
берет ее под руку и уводит со сцены.*

Надежда: Юрий Петрович, что случилось? В чем дело?

Юрий Петрович: Дело в том... что Константин Георгиевич... улетел на свой остров.

Надежда: Надолго?

Юрий Петрович: Не знаю, может, навсегда. Но ты не расстраивайся. Теперь у нас есть малая сцена. И мы с тобой замечательный спектакль по Чехову сделаем. Идем, идем...

Надежда: Идите, Юрий Петрович, я вас догоню.

*Юрий Петрович уходит. Надежда берет со столика письмо,
начинает читать.*

Надежда: Здравствуйте, Надя! Пишу вам искренне — здравствуйте! Когда вы будете читать эти строки, меня уже не будет рядом. Кажется, так принято начинать прощальные письма.

Контракт будет оплачен полностью. Для меня это важно. Не хочу быть виноватым перед вами, как и винить вас.

Что касается того, что "пройдет время и все образуется", — вы ошибаетесь. Проходим мы. Время остается.

В театре часто случаются и рождение, и смерть. В жизни — намного реже. Вчерашнее покушение показало, как близка смерть. Хотя все наше "Представление" было покушением... Теперь уже и не знаю, на что...

*Пауза. Дальше читает молча. Потом рвет бумагу на мелкие части,
которые падают на сцену. Уходит.*

*На сцене медленно гаснет свет. Освещенной остается
только часть сцены, на которой лежат обрывки письма.*

Голос Константина Георгиевича (*озвучивает не прочитанное Надеждой*):

На сцене вы рассказали о любви ко мне. Наверно, только артисты могут играть жить. У меня так не получилось. Я выбрал вас... для спасения. Как оказалось — от жизни... Получилось.

Когда человек тонет, его может спасти только тот, кто рядом. Условие необходимое, но, увы, не достаточное... Простите и прощайте. Представление окончено.

Одесса

Декабрь 150-го года от рождения А.П. Чехова